

нию Эпикура. Завершается переходное время попытками самостоятельной разработки философского мировоззрения, которые реализовались в создании пантеистических теорий Джордано Бруно (вторая половина XVI в.) и Кампанеллы (кон. XVI – первая половина XVII в.).

Подводя итог размышлениям о средневековой философии, П.Э.Лейкфельд замечает: "Черпая для себя по мере необходимости различные положения из сочинений древних мыслителей и сосредотачивая свой интерес лишь на доказывании и систематизации христианского вероучения, представители средневековья игнорировали естествознание..." (1, с. 16-17). И действительно, профессор в своем исследовании совершенно упускает из виду проблемы природного бытия, социального устройства и даже проблему человека. Только лишь раскрывая философские взгляды Фомы Аквинского, он обращается к проблеме души и отмечает, что "душа человека – нематериальная форма и поэтому она не может разрушиться, она желает бессмертия, и это желание, как естественное, должно найти себе удовлетворение" (1, с.13).

Литература:

1. Лейкфельд П.Э. Средневековая и новая философия: Краткое извлечение из лекций, читанных в Имп.Харьковском университете. – Харьков, Б.г.
2. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 2. Средневековье. – Санкт-Петербург, 1995.

В.М. Мешков

“ВНЕШНИЙ” (ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ) НАБЛЮДАТЕЛЬ О РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В XVI – XVII вв.

При реконструкции ментального пространства определенной культуры важную роль играют письменные источники «внешних» наблюдателей, в качестве которых выступают авторы (путешественники, дипломаты, купцы и др.), оставившие описания политической, культурной жизни иного народа, его быта и нравов. Ценность подобного рода свидетельств заключается в том, что в них фиксируются те аспекты духовной жизни народа, которые в силу своей очевидности не становятся предметом описания со стороны представителей изучаемой культуры. При этом, однако, следует учитывать, что в повествовании «внешнего» наблюдателя бессознательно, но необходимым образом, происходит отбор и оценка материала с точки зрения ценностно-мыслительной системы культуры, представителем которой он является. Родная ему культура выступает в качестве системы отсчета по отношению к наблюдаемой. В данной статье мы проследим перипетии столкновения фундаментальных ценностно-мыслительных ориентаций западноевропейского и русского человека периода XVI – XVII вв.

Царь – деспот

Для всякого иностранца, приехавшего в Московию в XVI веке, бросалась в глаза безграничная и всеохватывающая власть русского царя. Монархистский образ мышления в то время был господствующим. Однако все они в один голос отмечают своеобразие абсолютной монархии в Московском государстве, которое выражалось в установлении всеобщего и полного рабства, тотальной зависимости всего населения, начиная с простоголюдина и заканчивая князьями и боярами, от волеизъявления царя. "Я считаю его, - пишет Ж. Маржерет, - одним из самых неограниченных государей из существующих на свете, так как все жители страны, благородные и неблагородные, самые братья императора называют себя холопами господаря, т.е. рабами императора» [6, с.240] «Властью, которую он имеет над своими подданными, - отмечает также и С. Герберштейн, - он далеко превосходит всех монархов целого мира. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством» [1, с.72].

Мы имеем достаточно свидетельств о жестокости, беззакониях, коварстве английских, испанских, французских и других европейских государей. Однако после рыцарской ментальной революции подобные деяния королей не воспринимались населением как норма. Власть короля от Бога, имеет божественное оправдание. По своему предназначению король обязан быть источником справедливости, добродетели, верности божественному закону, заботе о народе и т.д. Эти функции в реальной деятельности русского царя практически отсутствуют и даже не вменяются ему в обязанность. В XVII в. цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович придали русскому самодержавию лоск благочестия, однако его насильственно-тираническая природа осталась неизменной. П. Петрей отмечает, что "ни один царь на свете не сравнится с ним в силе и богатстве. Потому-то он и сам называет себя сыном царя Давида и вторым Соломоном и не хочет ничем уступить им в почете, богатстве, могуществе, величии, уме и мудрости" [4, с.400] "Великий князь всё держит в своих руках: города, крепости, села, дома, по-

местья, леса, озера, реки, честь и достоинство. На столь обширном пространстве земель, по-видимому, ничто не может быть значительнее тех сил и богатств, которыми он владеет" [5, с.46].

Для иностранцев вполне очевидно, что источником всеобщей зависимости москвитов является отсутствие частной собственности. По мнению Дж. Флетчера, оба класса, и дворяне и простолюдины в отношении к своему имуществу, суть ни что иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки [4, с.502-503]. "В результате этого, - пишет также А. Поссевино, - никто не может определенно сказать, что ему принадлежит, и (хочет - не хочет) каждый зависит от воли князя. Если у кого-нибудь есть излишки, он тем более чувствует себя связанным, сделавшись более состоятельным, тем более боится за себя. Поэтому часто они все отдают князю. Отсюда возникает угодливость и страх, так что никто не смеет рта раскрыть..." [5, с.47].

Неразвитость правового пространства

Царский произвол препятствует формированию правового пространства. Неразвитость правового сознания, правовых отношений четко фиксирует Дж.Флетчер: "Письменных законов у них нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяются время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства и другие тому подобныя судебныя формы и обстоятельства, но нет вовсе правил, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым. Единственный у них закон есть закон изустный, т.е. воля Царя, судей и других должностных лиц. Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех против коих несправедливости и крайнего угнетения ему необходимо было иметь значительное количество хороших и строгих законов"[7, с.538]. "Здесь нет ни одного, кто бы имел судебную должность или власть, переходящую по наследству, или основанную на грамоте, но все определяются по назначению и воле Царя, и судьи так стеснены в отправлении своей должности, что не смеют решить ни одного особенного дела сами собою, но должны пересылать его вполне в Москву, в Царскую Думу. Чтобы показать власть свою над жизнью подданных, покойный Царь Иван Васильевич во время прогулок или поездок приказывал рубить головы тем, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились, или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к ногам его"[7, с. 503-504].

Отсутствие духа свободы или атмосфера тотального рабства

Отрицание Собственности и Закона делает невозможным существование в ментальном пространстве духа Свободы. Напротив, устанавливается гнетущая атмосфера тотального рабства, безысходной зависимости. Рабская психология всех слоев общества для "внешних" наблюдателей становится одной из примечательных черт русских людей. Обсуждается даже проблема является ли эта особенность врожденной, национальной? "Этот народ, - пишет С. Герберштейн, - находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ведь по большей части господа перед смертью отпускают иных своих рабов на волю, но эти последние тотчас отдают себя за деньги в рабство другим господам" [1, с.112]. "Могло бы показаться, - размышляет А. Поссевино, - что этот народ скорее рожден для рабства, чем сделавшись таким, если бы большая часть их не познала порабощения и не знала, что их дети и все, что они имеют, будет убито и уничтожено, если они перебегут куда-нибудь. Привыкнув с детства к такому образу жизни, они как бы изменили свою природу и стали в высшей степени превозносить все эти качества своего князя и утверждать, что они сами живут и благоденствуют, если живет и благоденствует князь" [5, с.48-49].

Глубинная деформация общественного сознания

Деформация сознания приобретает настолько глубокий характер, что приводит к его ценностному перевороту. Источник зла воспринимается как высшая добродетель. "Князю все оказывают такой почет, который едва можно представить в помышлении. Они очень часто говорят (если даже так и не думают), что их жизнь, благополучие и все остальное дарованы им великим князем. По их мнению, все приписывается милости божьей и милосердию великого царя, то есть короля и императора, как они называют своего князя. И под палками, и чуть не умирая, они иногда говорят, что принимают это как милость» [5, с.48].

Согласно П.Петрею: "Великий князь у его подданных в таком высоком почете, что они считают его не только могущественным царем и государем, но и божественным человеком, который всегда имеет обхождение с богами и может смирать и одолевать своих неприятелей, если захочет..." [4, с.261]. По мнению А.Олеария, русские "ставят своего царя весьма высоко, упоминают его имя во время собраний с величайшим почтением и боятся его весьма сильно, более даже, чем бога"[6, с.355]. "Московиты с детства имеют обыкновение так говорить и думать о своем государе, получив это установление из рук предков, что чаще всего на ваш вопрос отвечают так: "Один бог и великий государь это ведают", "Наш великий государь сам все знает", "Он единым словом может распутать все узлы и затруднения", "Нет такой религии, обрядов и догматов кото-

рой он бы не знал", "Что бы мы ни имели, когда преуспеваем и находимся в добром здравии, все это мы имеем по милости великого государя". Такое мнение о себе он поддерживает среди своих с удивительной строгостью, так что решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором. Самой своей одеждой, окружением и всем прочим он старается выказать величие даже не королевское, но почти папское. Можно сказать, что все это заимствовано от греческих патриархов и императоров, и то, что относилось к почитанию бога, он перенес на прославление себя самого" [5. С.23]. Русские "прямо заявляют, что воля государя есть воля божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле божьей" [1. С.74].

Царь, его поведение, организация дворцовой жизни служили образцом, задавали стереотип, клише, с которым сверяли, по которому мерили собственное поведение, собственную жизнь. "В распорядках домашнего быта у домохозяев, - пишет Н.И. Костомаров - соблюдались такие же обычаи, как в царской придворной жизни: главный хозяин в своем дворе играл роль государя и в самом деле назывался государем - слово это означало домовладыку; другие же члены семейства находились у него в таком же отношении, как родственники царя: слуги были то же, что служилые у царя, и потому-то все, служащие царю, начиная от бояр до последних ратных людей, так как и слуги частного домохозяина, назывались холопами. Господин, как царь, окружал себя церемониями; например, когда он ложился спать, то один из слуг стоял у дверей комнаты и охранял его особу. Господин награждал слуг и оказывал им своё благоволение, точно так же, как поступал царь со своими служилыми: жаловал им шубы и кафтаны со своего плеча или лошадей и скотину, посылал им от своего стола подачу, что означало милость. То же делала госпожа с женщинами: одних примолвляла, то есть награждала ласковым словом, других дарила или посылала им подачу со своего стола. При дворе частных домохозяев, как и при дворе царском, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слуг большим количеством пища. При огромном количестве слуг во дворе богатого господина существовали приказы, такие точно, как в царском управлении государством, под главным контролем ключника и дворецкого... Прислуга вообще разделялась, как служилые царские люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую" [3, с. 150-151].

Самый глубокий надлом в сознании русского человека совершил Иван IV Грозный. Его свирепая, нередко ничем не мотивируемая, самодовлеющая Сила установила атмосферу Насилия как норму социального бытия. Сила и Насилие пропитали воздух, заполнили все пространство обшарпанного русского государства. Привычка всех слоев населения к ежедневному, постоянному, как к электромагнитному полю Земли, насилию породила внутреннюю потребность в нем. Эту особенность русских людей не без удивления отметили западноевропейские наблюдатели. "Трудно понять, - размышляет С. Герберштейн, - то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким" [34.74]. А. Поссевино утверждает, что "этому народу можно оказывать благодеяния, но он до такой степени впитал в себя другие качества, что больше ценит того, кто внушает ему страх, чем того, кто прямо соглашается на их требования" [1, с. 75].

Царство насилия

Отношения насилия в большей или меньшей степени составляют основу практически всех социальных, бытовых, семейных и иных отношений. Всеобъемлющий характер Насилия выступал и в качестве первопричины, поскольку восхождение по причинно-следственной цепи от следствия к причине так или иначе упиралось в насильственное действие. Н.И. Костомаров справедливо пишет: "Вообще господа обращались со своими слугами деспотически и охотнее следовали таким пастырским нравоучениям, как, например: "Аще ли раб или рабыня тебя не слушает и по твоей воле не ходит, то плети нань не щади", чем таким, где заповедовалось господам считать рабов за братьев. Нередко случалось, что господин насиловал своих рабынь, не обращая внимания на их мужей, растлевал девиц: случалось, что убивал до смерти людей из своей дворни, все ему сходило с рук. Сами слуги не имели понятия, чтоб могло быть иначе, и не оскорблялись побоями и увечьями: за всяким тычком не утоняешься, гласит пословица; рабу все равно было, справедливо или несправедливо его били: господин сыщет вину, коли захочет ударить, говорили они. Те слуги, которые не составляли достоинства господ, кои присуждены были к работе за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами от безусловной воли господ, но даже подвергались более других побоями и всякого рода стеснениям. У русских было понятие, что служить следует хорошо тогда только, когда к этому побуждает страх, - понятие общее у всех классов, ибо и знатный господин служил верою и правдою царю, потому что боялся побоев, нравственное убеждение вымыслило пословицу: за битого двух небитых дают. Самые милосердные господа должны были прибегать к палкам, чтобы заставить слуг хорошо исправлять их обязанности: без того слуги стали бы служить скверно. Произвол господина удерживался только тем, что слуги могли от него разбежаться, притом обокравши его. Напротив, господин славился тем, что хорошо кормил слуг. Русские не ценили свободы и охотно шли в

холопы. В XVII веке иные отдавали себя рубля за три на целую жизнь. Получив деньги, новый холоп обыкновенно пропивал их и проматывал и потом оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя с женами, с детьми и со всем потомством. Иногда же бравшие деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дети жили в неволе за родителей.... Толпы слуг вообще увеличивались во время голода и войны. Во время голода потому, что многие из-за дневного пропитания отдавали себя навеки в рабство, а во время войн дворяне и дети боярские, убегая от военной службы, записывались в холопы..." [3, с. 152-153].

Бытие в страхе

Внешняя атмосфера насилия порождает внутреннее состояние страха. Страх, который стал обыденной нормой социального бытия, перестают замечать. Однако для западноевропейцев бытие в страхе было примечательным явлением русской жизни как формы превращенного, ненормального бытия. У С. Герберштейна есть любопытная зарисовка из жизни заложившего традицию грозных русских царей Ивана III, которая в полной мере передает приниженное существование в постоянном страхе при дворе высших сановников: "По отношению к женщинам он был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему на глаза, то при виде его только что не лишалась жизни. Для бедных, угнетенных более могущественными и ими обижаемых, доступ к нему был прегражден. Во время обедов он по большей части предавался такому пьянству, что его одолевал сон, причем все приглашенные меж тем сидели пораженные страхом и молчали. По пробуждении он обыкновенно протирает глаза и тогда только начинал шутить и проявлять веселость по отношению к гостям... Впрочем, как он ни был могущественен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидищих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным" [1, с. 68]. Примечательно, что в этой самодовлеющей рабской психологии, основанной на насилии и страхе, сам царь не был исключением. По традиции он ощущал себя таким же рабом только перед татарским ханом. Для Софьи Палеолог, воспитанной в традициях западноевропейской и византийской ментальности, поведение Ивана III в отношении к татарскому хану представлялось крайне оскорбительным.

Другую бытовую зарисовку из жизни купечества приводит Дж. Флетчер: "Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать. Я нередко видал, как они, разложив товар свой (меха и т.п.), все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими и не взяли у них насильно весь товар" [7, с. 531].

Получившая развитие в XVI веке система доносительства и всячески поддерживаемая московскими государями, создавала атмосферу взаимной враждебности, недоверчивости, еще более способствовала росту ощущения неуверенности, непрочности собственного существования. "Нигде не было откровенности пишет Н.И. Костомаров все боялись друг друга. Негодяй готов был донести на другого; всегда в таком случае можно было скорее выиграть, чем проиграть; от этого в речах господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпионов было чрезвычайное множество: в ряды их вступали те бедные дворяне и дети боярские, которые за уклонение от службы, тоже по доносу других, лишались своих поместий. Они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры - иногда в виде богомольцев и нищей братии. И царь, таким образом, многое знал, что говорилось про него подданными.. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; все друг другу старались повредить, чтобы выиграть самим. Но всего действительнее для ябедника, всего опаснее для соперника было объявление слова и дела государева, то есть обвинение в нерасположении к царю" [3, с. 172].

Тотальное отчуждение

Своеобразие русской жизни, существенно отличающее её от западноевропейского образа жизни, составляет тенденция к самоизоляции, замкнутости. Нарастание ментального изоляционизма было обусловлено усилением процессов феодальной раздробленности в XI-XIII вв. как в Западной Европе, так и в Киевской Руси. Однако по мере развития торговых, культурных связей, географических открытий и др. в западноевропейских странах все более укреплялся дух открытости, взаимного обмена между ними, а также нарастала жажда открытий, освоения, ассимиляции, а по возможности и подчинения, и европеизации иных ментальных образований. Расширение границ Московского государства по мере "собираания русских земель" и усиления деспотических отношений, напротив, стимулировало процессы к самоизоляции, к упрощению, схлопыванию ментального пространства культуры. В этой связи важно отметить открытость ментальных миров Новгорода

и Пскова, которые были разрушены в ходе московского завоевания. Усиление культурной изоляции обычно сопровождается падением образования, культурного уровня, завышенной самооценкой, ростом националистических амбиций и др., что и фиксируют "внешние" наблюдатели.

Подавление личности

Западноевропейское мышление рассматриваемого периода в своей основе было сословным и религиозно-этическим. Это означает, что христианские ценности и добродетель составляли его фундаментальную структуру. Поскольку все были христианами, то критерием отличия высшего сословия было благородство происхождения как наследственно приобретенный признак, и разум, и нравственное достоинство, которые достигаются посредством образования и воспитания, индивидуального совершенствования. Совокупность этих качеств, внешняя оценка и собственная самооценка создают представление о чести, которые определяют норму поведения благородного человека и составляют его броню, охраняющую его личность, его достоинство. В Московии представления о чести существенно отличались от западноевропейских. Для русских людей в понятие чести не входило в качестве неотъемлемого его компонента образование и собственное нравственное достоинство, поскольку в Московском царстве Силы, Насилия и Страха формирование и развитие личностного начала было заблокировано. Поэтому достоинство и честь русского боярина, дворянина и других определялись его родо-домом, находившим реальное выражение в местнической лестнице, а также его должностью в административной системе, т.е. внеличностными, надличностными факторами. Будучи частицей деспотической системы управления, человек, как монада, становился носителем ее основных свойств - Силы, Насилия и Страха. Чем более высокое место в чиновничьем аппарате он занимал, тем в большей степени он являлся носителем свойств этой системы. Степень обладания Силой, Насилием и производимым Страхом определяли уровень притязания достоинства и чести. Таким образом, честь и достоинство носили деспотический характер, являлись формой выражения доминирующих тем-ценностей, "силы", "насилия" и "страха". Если в западноевропейской культуре представления о чести и достоинстве способствовали формированию личности, осознанию ее абсолютной значимости, развитию индивидуализма, то русская интерпретация этих качеств сохраняла психологию раба, поскольку все без исключения мыслили себя как средство, холопами царя.

Падение добродетели

Неразвитость индивидуального начала, а также деформированное деспотическим режимом общественное и индивидуальное сознание трансформировали представления о нормах добродетели, идеале. В современной литературе весьма активно обсуждается проблема деформации индивидуального и общественного сознания в тоталитарных обществах (социалистическом, фашистском) в XX веке. Однако, на наш взгляд, еще недостаточно прослежена связь превращенной формы общественного сознания Советской России с предыдущими этапами генезиса русского менталитета, особенно с периодом Московского государства, т.е. до XVIII в., до правления Петра I. Здесь только отметим, что "внешние" наблюдатели XVI и XVII вв. отмечают хитрость, коварство, неверность слову, в делах русских людей. Так, Дж. Флетчер пишет: "Что касается до верности слову, то Русские большею частию считают его почти ни по чем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. По истине можно сказать (как вполне известно тем, которые имели с ними более дела по торговле), что от большого до малого (за исключением весьма немногих, которых очень трудно отыскать) всякий Русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно Татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее Русских. Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и поступкам Русских была до сих пор главною причиною язычества Татар и их отвращения от христианской веры" [7, с.602-603].

Русский и западноевропейский миры

Таким образом, тематический культурологический анализ оценки "внешним" (западноевропейским) наблюдателем русского образа жизни в Московии XVI-XVII вв. показывает существенные различия ментальных пространств русской и западноевропейской культур. Различия эти настолько велики, что можно даже говорить об их несовместимости, поскольку они отличаются динамикой и направлением развития ментальных пространств, их характером функционирования. Если, начиная с эпохи Возрождения, ментальное пространство западноевропейской культуры приобретает все большую динамику, то в русской культуре нарастают процессы изоляции, деградации, схлопывания ментального пространства. Лишь усиление влияния западноевропейской культуры во второй половине XVII в. в русской культуре вызывает некоторое оживление. Если в западноевропейской культуре раз-

влияние индивидуализма (расширение субпространства архетипа гомоцентризма), постепенное распространение демократии на все новые слои западно-европейского общества приводили к преобладанию индивидуалистических, лично-ориентированных ценностей, то в русской культуре укрепление централизованного государства полностью блокировало развитие личного начала, индивидуалистических ценностей, деформировало индивидуальное и общественное сознание, утверждало безусловный и абсолютный приоритет надличностных тематических ценностей ("царя", "Русской земли"), которые формировали представление о человеке лишь как средстве, а не ценности самой по себе. Если в западноевропейской культуре, продолжая и развивая традиции древнегреческой и древнеримской культур, все более усилился рефлексивный характер функционирования - процесс самоотражения, самосмысления, самоконструирования, то "жизнедеятельность" русской культуры осуществляется по экзистенциальному типу, непосредственному течению общественного бытия, без необходимых и достаточных механизмов саморегуляции. Основным средством регуляции общественных процессов являлись лишь Сила, Насилие и Страх, т.е. те средства, которые в западноевропейском обществе рассматривались как проявление варварства, дикости, как аномалия, и которые должны быть заблокированы. В то время, как западноевропейцы рассматривали свое общество как царство свободы, то Московия имиделась как царство насилия и несвободы.

Примечательно, что силовая сторона "русского Духа" в значительной степени выпала из поля зрения русской философии, не получила теоретического осмысления. Атмосфера насилия и страха была настолько естественна, что ее не замечали, как не замечают воздух. Рефлексивная деятельность сосредоточена преимущественно на его религиозной части, которая обычно рассматривается как основание русского национального характера. Однако, на наш взгляд, своеобразие ментального пространства русской культуры определяется дуализмом, двуполосностью его ФТС. Двуглавый орел на гербе Российского государства является мистическим выражением именно этого основополагающего обстоятельства. Русское православие составляет сокровенную часть "русской души", однако, не сводится к ней.

Література

- Герберштейн С. Записки о Московии – М. 1988
 Горсей Дж. Записки о России XV – начало XVII в. – М., 1990
 Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа – М., 1993.
 Петр Петрей. О начале войн и смут в Московии // Исаак Масса – М., 1997
 Подсевино А. Исторические сочинения о России XVI в. – М., 1983
 Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986
 Флетчер Дж. О государстве Русском // Накануне смуты. – М. 1990

Є. Зарудний

РОЗВІДКА

про місце і роль чаю у формулюванні та шляхах вирішення основних світоглядних питань російської філософії

Російська філософія, дата народження якої збігається у історичному часі із зародженням нової некласичної традиції, з'являється світові як продукт мислення *a priori* некласичного. Тому, попри формулювання основних світоглядних питань – про первинність буття чи мислення та про зв'язок світу – набуває у російських мислителів яскравого некласично-національного забарвлення і формується у "что делать?" і "кто виноват?", а, по-друге, середовищем обговорення шляхів їх вирішення стає література.

Перед усім слід зазначити суперечливість поєднання цих питань як відносно незалежних. Останнє начебто свідчить про визнання російською філософією субстанційності зла, але у такий спосіб відповідь на перше виявляється тривіальною – поладити дороги та навчити дурнів. Щодо часу очікування цих подій (використаємо термінологію статистичної фізики) є такими великими труднощі на цьому шляху слід визнати принциповими. За свідченням футуролога М. Шкідина, "когда благому просвещенью отдвинем более границ, со временем (по расчисленью физических таблиц, лет чрез пятьсот) дороги, верно, у нас изменятся безмерно". Але ремонтувати так само як і дурнів навчати, тому що "ежели дураков не учит, то тогда от них проходу (тобто гроші – Є.З.) не будет" (А.П.Чехов). Отже, друге питання слід вважати радше риторичним, тому місце чаю тут не є визначальними.